

Раннеславянские миры...

(Обломский А. М. (ред.). Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I — II в. н. э.). М.: Институт археологии РАН, 2010. 329 с.)

Так называемым позднезарубинецким древностям, начиная с их открытия в середине XX в., была отведена роль важного звена в сложной проблеме славянского этногенеза. На протяжении второй половины прошлого столетия рядом исследователей они интерпретировались как переходный этап от зарубинецкой культуры, славянское определение которой вызывало много вопросов, к памятникам киевского типа позднеримского времени и колочинской и пеньковской культурам раннего Средневековья, славянская атрибуция которых вроде бы не оставляла сомнений.

Определенным итогом изучения постзарубинецких памятников в конце XX в. стала работа А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского (1991), после которой данная тема выпала из активного научного обсуждения, как будто ожидая новых материалов и новых осмыслений. Сказать, что за последние двадцать лет появилось много новых материалов, кардинально меняющих наши представления о постзарубинецкой эпохе, нельзя. Скорее, можно говорить о том, что в последние годы была предпринята попытка «второго приближения» или «второго подхода» к постзарубинецким материалам, которой и можно считать коллективный труд «Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I — II в. н. э.)» (2010), вышедший в серии «Раннеславянский мир».

Рецензируемая книга включает в себя введение, семь глав и приложения. Во введении, написанном А. М. Обломским, кратко охарактеризован период появления постзарубинецких памятников и их особенности. Уже при знакомстве с этим разделом возникает недоумение по поводу некоторых воззрений на проблему раннеславянского этногенеза, которые, как выясняется при дальнейшем ознакомлении с книгой, являются базовыми для авторов. Это, например, утверждение о результатах миграции потомков носителей зарубинецкой культуры: «Именно эти массовые миграции послужили первыми импульсами, приведшими в конечном итоге к сложению археологических общностей начала средневековья (пеньковской, колочинской и, вероятно, пражской культур), которые по мнению большинства исследователей соответствуют наиболее ранним славянским народам» (с. 5). Данный тезис представляется интересным, но в книге он остается нераскрытым. Почему именно эти миграции послужили первыми импульсами?

Или еще одно положение — о том, что миграции зарубинецкого населения «позволили предкам славян освоить территорию лесостепи от Прикарпатья до бассейна Оскола» (с. 7). Данным тезисом, который и далее в книге повторяется в различных формах и контекстах, автор введения дает понять, что, по большому счету, все видение раннеславянской проблематики для него и его соавторов пронизано определением зарубинецкой культуры как славянской. Хотя прямых высказываний на этот счет в книге нет.

Здесь же, во введении, появляется новая для постзарубинецкой темы терминология. Речь идет о термине «памятники типа Марьяновки» (с. 6), который для второй главы послужил темой и заглавием. Коснемся его далее.

Первая глава, «Историография древностей поздnezарубинецкого периода», написана Р. В. Терпиловским. В целом, написана она достаточно подробно, но ряд моментов требует, на наш взгляд, принципиальных уточнений. Например, сообщение о том, что М. Б. Щукин «древности I–II вв. Подесенья, Побужья и Поднепровья предлагает именовать постзарубинецкими (Щукин 1979: 69, 74) или «горизонтом Рахны-Лютеш-Почеп» (Щукин 1986)» (с. 12). Все в этой цитате верно, за исключением датировки. Ни в работе 1979 г., ни в работе 1986 г. М. Б. Щукин по отношению к постзарубинецким памятникам или памятникам горизонта Рахны-Почеп не применял широкой датировки I–II вв. н. э. В статье «Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования» М. Б. Щукин пишет: «Итак, горизонт Рахны-Почеп как особое археологическое явление существовало с середины I в. до начала II в.» (Щукин 1986: 29).

Это уточнение мне представляется важным, поскольку сейчас в научной литературе наблюдается некоторая подмена понятий. Многие авторы, в том числе и рецензируемой работы, не делают никакой разницы между понятиями «горизонт Рахны-Почеп» и «поздnezарубинецкие памятники». Подробное разъяснение различий между ними заняло бы слишком много места. Коротко можно сказать, что все памятники горизонта Рахны-Почеп следует считать постзарубинецкими, но не все постзарубинецкие памятники попадают под понятие «горизонт Рахны-Почеп». Это понимание отсутствует в рецензируемой книге.

Следующее уточнение относится к сообщению о позиции, отстаиваемой А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским в решении проблемы выделения поздnezарубинецких памятников и их интерпретации. Автор представляет ситуацию так, как будто только А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским с середины 1980-х годов, в отличие от других исследователей, «проводится мысль о поздnezарубинецких памятниках как самостоятельном культурном явлении, отличном как от предшествующей зарубинецкой, так и от последующей киевской культуры» (с. 12). У тех, кто знаком хотя бы только с используемыми Р. В. Терпиловским работами М. Б. Щукина, данное высказывание вызовет недоумение. М. Б. Щукин в статье 1979 г. писал: «Памятники же так называемые поздnezарубинецкие, давшие в дальнейшем развитие культуру киевского типа, следует рассматривать как особое археологическое явление и включение их в состав собственно зарубинецкой культуры повело бы к неоправданному упрощению хода сложного исторического процесса в Поднепровье» (Щукин 1979: 68). М. Б. Щукин в середине 1980-х годов выделяет горизонт памятников Рахны-Почеп как «особое историко-археологическое явление» (Щукин 1986: 26).

Первой главе можно было бы уделить больше внимания, но поскольку в ней затронуты вопросы, которые более подробно рассмотрены в последующих главах, я к ним и перейду.

Вторая глава, «Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга», написана А. М. Обломским и представляет собой результат работы с музейными и архивными материалами раскопок П. И. Хавлюка в Южном Побужье. Первый вопрос, который возникает при чтении этой главы — это целесообразность введения и использования новой терминологии, а именно термина «памятники

типа Марьяновки». Ожидаемого объяснения того, чем плох для рассматриваемых древностей существующий с 1970-х гг. термин «памятники типа Рахны», в тексте я не нашел. Более того, считаю необходимым высказать доводы в пользу работающего термина «памятники типа Рахны».

Во-первых, данный термин, по моему мнению, давно прижился, и исследователи, занимающиеся соответствующим кругом проблем, понимают о чем идет речь. Он доказал свою жизнеспособность и используется многими авторами, в том числе и зарубежными (напр.: Andrzejowski 1999: 42; Новаковский 2010: 10). Во-вторых, данный термин отражает археологическую реальность. То есть этот термин включает в себя и поселенческие, и погребальные памятники Южного Побужья и Среднего Поднестровья. Поскольку недалеко от п. Рахны П. И. Хавлюком были исследованы и поселение, и могильник, то логично от данного топонима производить эпонимный термин. Названия других поселенческих памятников рассматриваемой группы не отражают всей полноты археологической ситуации в означенном регионе.

Возникает также вопрос в связи с ограничением ареала памятников группы Рахны бассейном Южного Буга (с. 16). Автор оговаривает, что глава написана по материалам восьми поселений и одного могильника, оказавшимся доступными. Все эти памятники действительно расположены в бассейне Южного Буга. Но, как мне представляется, чтобы не вводить читателей в заблуждение, А. М. Обломскому следовало также оговорить, что для переименованной им группы памятников ее открывателем и исследователем — П. И. Хавлюком — были отведены более широкие пределы, а именно Южное Побужье и левобережное Поднестровье (Хавлюк 1975; 2003: 176). Подразумевались они для группы Рахны и в работах других археологов, например, П. Н. Третьякова (1982: 49). Отсутствие возможности проверить культурное определение памятников типа Рахны на левобережье Среднего Днестра не дает оснований исключать данную территорию из ареала группы Рахны.

Вещевой комплекс рассматриваемых памятников проанализирован очень подробно и добротнo (с. 18–35), но все же и по данной части второй главы возникает несколько замечаний. При описании керамического комплекса А. М. Обломский использует классификацию, разработанную им в соавторстве с Р. В. Терпиловским в 1991 г. К сожалению, иллюстрация классификационной схемы в рецензируемой книге не приводится, что затрудняет восприятие текста.

В подразделе «Изделия из глины» дается характеристика многочисленных пряслиц, но рисунок и сведения о бипирамидальном пряслице с поселения Марьяновка, которое опубликовано ранее П. И. Хавлюком (1971: 86, рис. 3: 14), отсутствуют. Данное пряслице интересно тем, что его форма не характерна для постзарубинецких древностей. Характеризуя ее, П. И. Хавлюк пишет, что она напомнила ему языгские, т. е. сарматские пряслица. Чем вызвано упущение информации о данном пряслице в рецензируемой книге — неясно. Обозначенная позиция соавторов — максимально учесть все, что сохранилось во всех видах документации: от публикаций до архивных материалов (с. 17), — дает читателю уверенность в том, что все, что можно было, авторы учли. Демонстрацией результатов данных намерений является альбом иллюстраций, где собраны рисунки вещей, которые было возможно нарисовать, и перепубликуются рисунки безвозвратно утраченных вещей, которые были когда-то

нарисованы и опубликованы П. И. Хавлюком. Однако на примере не вошедшего в книгу пряслица приходится сталкиваться с досадными упущениями.

Интересным моментом второй главы является определение автором комплекса поселения Райки, как принадлежащего не к зарубинецкой, а к поморско-подклошевой культуре (с. 31). И хотя данный материал не относится к постзарубинецкой культурной группе, его обнаружение на рассматриваемой территории представляется любопытным и, как справедливо отметил А. М. Обломский, «ставит больше вопросов, чем дает ответов» (с. 32).

Третья глава, «Поздnezарубинецкие памятники Среднего Поднепровья», написана Ю. Ю. Башкатовым и Р. В. Терпиловским. Посвящена она памятникам типа Лютеж и типа Грини. Подраздел о памятниках типа Лютеж посвящен в основном их хронологии, которая осложнена типологическим сходством с классическими зарубинецкими древностями. Не со всеми выводами авторов можно согласиться. К примеру, фибула «почепского типа» из Коржей отнесена авторами к периоду II в. н. э. (с. 37–38). Каковы основания для данной датировки — не ясно. И следует ли из этого, что аналогичные фибулы с Почепского селища также датируются II в. н. э., а первый век при их датировании исключается? Если исключается, то на каком основании?

На мой взгляд, исследователи необоснованно полагаются на типы «лютежской» керамики как на хронологический и культурный признак. Опираясь на находки II в. н. э. из размытого Кременчугским водохранилищем поселения Леськи, среди которых есть керамика типа Лютеж и Т-образная фибула с выемчатой эмалью, не приходится. Поселение Лютеж считается эталоном группы памятников типа Лютеж, однако на нем неизвестны находки вещей с выемчатой эмалью. Не следует ли из этого, что памятники, на которых такие находки есть, нужно считать более молодыми и определять их культурную принадлежность более осторожно?

При описании керамического комплекса памятников типа Лютеж тоже, как и во второй главе, ощущается нехватка иллюстрации с классификационной схемой. Подобная же ситуация повторяется в четвертой и пятой главах.

Поселок Лютеж давно определяется в литературе как специализированный металлургический комплекс. Ю. Ю. Башкатов и Р. В. Терпиловский пишут: «Очевидно, в Лютеже металл для собственных нужд вырабатывался семьей профессиональных металлургов-кузнецов в свободное от сельскохозяйственных работ время» (с. 40). По-моему, уже в данном предложении есть определенное противоречие: семья профессиональных металлургов-кузнецов производит металл для собственных нужд (!). Все-таки, вероятно, профессионалы любого ремесла становятся профессионалами оттого, что занимаются делом, результаты которого способны удовлетворить большое количество потребителей. Для того чтобы получать металл для собственных нужд, не нужен был огромный поселок с 15 сыродутными горнами, пусть даже и функционировавшими не одновременно.

Интерпретации такого интересного памятника, как Лютеж, в третьей главе, по моему мнению, уделено слишком мало внимания. Исследователи, к сожалению, не замечают того, что в классический зарубинецкий период памятники с металлургическим производством такого масштаба неизвестны, а уже в I в. н. э. они появляются на территории двух постзарубинецких групп — в Южном

Побужье (Умань I и II) и в Среднем Поднепровье (Лютетж). И если сравнить процентное соотношение находок изделий из черного металла на всех памятниках классического периода и на всех памятниках короткого периода существования горизонта Рахны-Почеп, то выяснится, что в последний их число повсеместно существенно возросло (Воронятов, Еременко 2006: 89, 90). Эти явления должны иметь более правдоподобное объяснение, чем предположение о том, что семья профессиональных металлургов для собственных нужд решила организовать ремесленное поселение на площади в 16 000 кв. м с мощностями, способными выдавать по несколько центнеров металлургического сырья за сезон.

В подразделе о памятниках типа Грини излагаются особенности этих малоизученных пока древностей. Достоинством подраздела является четкое обозначение отличий памятников типа Грини от памятников других постзарубинецких групп. Вопросов к данному подразделу два. Говоря об особенностях глиняных пряслиц с памятников типа Грини, авторы отмечают, что они не отличаются от «основного позднезарубинецкого набора» (с. 42). Возникает вопрос: а какой он, основной набор? В главах, в которых произведен анализ вещевого комплекса постзарубинецких памятников, к сожалению, не акцентируется внимание на том, что в такой непримечательной категории инвентаря, как пряслица, среднего и стабильного набора, характерного для всех постзарубинецких древностей, нет. В отдельных группах он разный. Вероятно, эти различия чем-то обусловлены. Здесь стоило бы воспользоваться работой, посвященной традициям изготовления пряслиц (Шарова 2004: 65–72), и уделить различиям их наборов больше внимания.

Еще большее и серьезное возражение вызывает уверенность исследователей в том, что памятники Кистени-Чечерск, из которых выводятся памятники типа Грини, можно называть одной из верхнеднепровских групп классической зарубинецкой культуры (с. 43). Эта уверенность никакими обоснованиями не подкрепляется. Каковы критерии определения памятников Кистени-Чечерск в качестве «посожской» группы классической зарубинецкой культуры? М. Б. Щукин в одной из своих последних работ выразил глубокие сомнения в правомерности данного определения (Щукин 2009: 549, 2011: 243).

Четвертая глава, «Памятники типа Почеп», написана А. М. Обломским и носит обзорный характер. Однако отнести к ней как к дополнительной и проходной не позволяет ряд обстоятельств. Странно, что А. М. Обломский игнорирует ряд наблюдений, о которых он, несомненно, знает. В частности, в одной из моих статей ставится под сомнение справедливость взгляда А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского на проблему реконструкции длинных домов на Почепском селище и вытекающего из этого вывода об обитании на поселении двух «этнографических групп» (Воронятов 2004: 28–33). Исследователь пишет о том, что «в домостроительстве, керамическом комплексе, наборе предметов быта почепских селищ отчетливо видны юхновские черты» (с. 46). Приведенное высказывание следует характеризовать как поверхностное и мало чем подкрепленное. Длинные дома нельзя считать особенностью всей Почепской группы памятников. На эпонимном памятнике реконструкция подобных сооружений является сомнительной. Так называемая юхновская орнаментация нескольких фрагментов лепных сосудов может являться результатом взаимодействия сарматских племен с зарубинецкой культурой в I в. н. э. (Воронятов 2008: 341–366).

В целом видение проблематики, связанной с Почепской постзарубинецкой группой, у А. М. Обломского осталось тем же, что представлено в книге 1991 г. (Обломский, Терпиловский 1991). Никаких дополнительных исследований по проблеме автор за прошедшие двадцать лет не производил, а появившиеся разработки других авторов не использует.

Пятая глава, «Памятники типа Картамышево-2 и Терновки-2», также написана А. М. Обломским. Ее структура отличается от структуры второй главы. Если во второй главе после общих замечаний излагается анализ вещевого комплекса, то в пятой автор пошел другим путем. После историографической информации о памятниках типа Картамышево-2 и Терновки-2 он переходит к описанию топографии, домостроительства и керамического комплекса. Анализ вещевого комплекса дан очень сжато, с отсылкой к работе 1991 г. Больше внимание автор решил уделить изделиям с выемчатыми эмалями, найденным на памятниках рассматриваемой группы.

Остановимся чуть подробнее на той части пятой главы, которая посвящена хронологии памятников типа Картамышево-2 и Терновки-2. В 2004 г. В. М. Горюнова, проведя анализ вещевого инвентаря многослойного поселения Картамышево-2, пришла к выводу, что поселение, а, следовательно, и вся группа памятников, возникли не ранее середины II в. н. э. (Горюнова 2004: 47–50, 87, схема № 1). А. М. Обломский не согласен с выводами В. М. Горюновой и пытается их оспорить. Доказательства В. М. Горюновой и А. М. Обломского строятся на основании датировки двух вещей — обломка двуствольной ручки красноглиняной амфоры и глазчатой фибулы А61. А. М. Обломский не согласен с тем, что между ранними — позднескифскими находками, к которым, по В. М. Горюновой, относится ручка амфоры, и более поздними постзарубинецкими материалами (фибула, лунница с эмалью и др.) существует большой хронологический разрыв, который в своей работе выявила В. М. Горюнова.

Следует сказать, что даже небольшой хронологический разрыв, который допускает А. М. Обломский между двумя хронологическими пластами материала, базируется на весьма уязвимых основаниях. Приводя современные датировки глазчатых фибул, автор никак не пытается комментировать аргументацию В. М. Горюновой, и, по большому счету, ее замалчивает. В. М. Горюнова пишет, что «Фибула из Картамышево II несет следы длительного использования: она потерта, была сломана и починена, это необходимо учитывать при определении времени ее существования в рамках нашего памятника» (Горюнова 2004: 48). Однако А. М. Обломский не считается с данными обстоятельствами и удревняет фибулу только на основании общепринятой, не увязанной с конкретными особенностями находки хронологии. Кроме того, исследователь никак не комментирует топографию находки ручки амфоры, по поводу которой В. М. Горюнова пишет, что фрагмент ручки амфоры был найден в северной части поселения, где находится одна из зон концентрации ранних, позднескифских, находок (Горюнова 2004: 49). «Парирование» А. М. Обломским выводов обстоятельной статьи В. М. Горюновой не выглядит убедительно.

Шестая глава, «Топография и планировка поселений, типы построек», написана Ю. Ю. Башкатовым и Г. Л. Земцовым. Четко продуманная структура главы позволяет в ней легко ориентироваться и находить нужную информацию. Недостатком же является то, что из-за неудачной структуры всей книги в дан-

ной главе есть много повторяющейся информации, изложенной в предыдущих главах. В отдельных подразделах не совсем логичен ход изложения. При описании планировки Почепского селища авторы отмечают, «что, судя по плану поселения, наземные дома и полуземлянки располагались обособленно. Данная ситуация, скорее всего, объясняется сосуществованием двух этнических групп: первой, связанной с познезарубинецкими традициями, и второй, происходящей от юхновской культуры» (с. 70). Далее сразу следует ссылка на работу А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского 1991 г. Через несколько страниц, описывая жилища памятников типа Почеп, Ю. Ю. Башкатов и Г. Л. Земцов указывают, что, по их мнению, «степень распространения “длинных домов” (т. е. наземных. — С. В.) в почепском ареале и наличие их на некоторых почепских поселениях до сих пор остаются дискуссионными вопросами» (с. 78).

Удивляет, что Ю. Ю. Башкатов и Г. Л. Земцов приписывают другим исследователям то, чего в работах этих исследователей нет. Так, они утверждают, что Ф. М. Заверняев высказывал свои наблюдения по поводу двух четко выделяемых на Почепском селище горизонтов — якобы юхновского и почепского, разделенных песчаной прослойкой (с. 73). Но Ф. М. Заверняев писал совсем не об этом. В его статье 1969 г. несколько раз говорится об объектах и материалах эпохи бронзы (!), обнаруженных на различных раскопах Почепского селища (Заверняев 1969: 90, 91, 94, 100, 102). Материалы сосницкой культуры эпохи бронзы и материалы юхновской культуры железного века — это принципиально разные вещи. Ф. М. Заверняев отмечает в той же статье: «Юхновская и наша зарубинецкая (т. е. материалы Почепского селища. — С. В.) культура совсем не похожи друг на друга; все основные элементы являются у них настолько различными, что нет никаких оснований говорить о генетических связях между ними» (Заверняев 1969: 116).

Несуществующее наблюдение Ф. М. Заверняева о строительных горизонтах Почепского селища авторы шестой главы попытались упрочить мнением Д. В. Каравайко. Они пишут: «По мнению Д. В. Каравайко более ранний из них (строительных горизонтов. — С. В.) был юхновским, а более поздний — позднезарубинецкий (Каравайко 2006: 73–78, 2007)» (с. 73). Предпринятые мной поиски данного высказывания Д. В. Каравайко по поводу Почепского селища ни к чему не привели. В статье 2006 г. киевский коллега пишет: «Так, по результатам раскопок городища “Кудеярка” Ф. М. Заверняевым отмечалось наличие стерильной прослойки (20–30 см) между юхновскими и почепскими слоями, что так же характерно и для ипатьевских городищ» (Каравайко 2006: 75). Это единственное место в статье Д. В. Каравайко, которое можно было по невнимательности или при сильном желании переосмыслить. Но, как можно заметить, относится оно вовсе не к Почепскому селищу, а к городищу Кудеярка. В автореферате Д. В. Каравайко, ссылка на который также фигурирует в тексте, никакой информации о Почепском селище и об обсуждаемой проблеме также нет (Каравайко 2007: 1–20).

Завершающей главой книги является седьмая «У истоков славянства (Вместо заключения)», написанная О. В. Арион, Ю. Ю. Башкатовым, А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским. Не хотелось бы останавливаться на опечатках, от которых не застраховано никакое издание, но, к сожалению, в рецензируемой книге этот недостаток приобрел слишком значительные масштабы.

Досадная оплошность пробралась даже в крупные заголовки. Инициалы одного из авторов седьмой главы указаны с ошибкой. Ю. Ю. Башкатов фигурирует как Ю. В. Башкатов.

Название «У истоков славянства» для книги, которая называется «Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I — II в. н. э.)», не кажется удачным. Авторы закрывают глаза на ряд нерешенных проблем, на аргументацию оппонентов, на альтернативные гипотезы. И все это ради того, чтобы связать плохо связываемые и несоизмеримые по масштабу вещи. И. О. Гавритухин в 2009 г., в одной из статей, современный «киевский акцент» работ рецензируемых авторов назвал «днепроцентризмом» (Гавритухин 2009: 17). Приходится констатировать, что «киевский акцент» в седьмой главе и в рецензируемой книге вообще без какой-либо аргументации перерастает в «поздnezарубинецкий». Следующий ожидаемый шаг логически должен быть «зарубинецким». М. Б. Щукин это предвидел и предостерегал от этого в одной из своих последних статей (Щукин 2009: 549).

Если перечислять по пунктам все противоречия седьмой главы, то следует начать с того, что, авторы, так же, как и в книге А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского 1991 г., используя идеи Д. А. Мачинского 1970-х годов об интерпретации сведений Тацита, предпочитают никак не замечать серию его более поздних статей, в которых данные идеи получили развитие и новые направления. Но даже те взгляды Д. А. Мачинского, которые они используют, подвергаются неуместной корректировке. Если Д. А. Мачинский говорит о том, «что единственным местом для обитания венетов-славян, как самостоятельной, своеобразной и монолитной этнической группы, остается Припятское Полесье и бассейн Тетерева с некоторыми прилегающими областями...» (Мачинский 1976: 96), то соавторы седьмой главы считают возможным удалить из данной цитаты важные слова «монолитной» и «бассейна Тетерева», а также включить в примыкающие области «всю южную часть лесной зоны Поднепровья вплоть до водораздела Днепра и Верхнего Подонья» (с. 94).

Следующий пункт. Авторы пишут: «Отправной точкой процесса формирования восточных славянских народов является кризис (или распад) зарубинецкой культуры» (с. 98), а следующий абзац начинается предложением: «Впервые на это явление обратил внимание М. Б. Щукин (Щукин, 1986, 1994, с. 232)». Читателям следует разъяснить, что М. Б. Щукин обратил внимание не на то, что кризис зарубинецкой культуры стал отправной точкой формирования восточных славянских народов, а на то, что этот кризис был в принципе. И ни на указанной странице монографии «На рубеже эр», ни в работе 1986 г., на которые ссылаются соавторы седьмой главы, об отправной точке формирования славянских племен у М. Б. Щукина ничего подобного не написано.

Следующий пункт. Авторы пишут, что концепция «сарматского нашествия» М. Б. Щукина находится в противоречии с особенностями картографии поздnezарубинецких памятников. Якобы «перемещение зарубинецкого населения, бежавшего от сарматов, ближе к степи “под сарматские стрелы”, выглядит нелогичным» (с. 98, 99). В данном возражении смущает тот факт, что абсолютно не учитываются современные работы многих исследователей о формах взаимодействия кочевников и оседлого населения. В последние десятилетия в фундаментальных трудах А. М. Хазанова, Т. Барфилда, Н. Н. Крадина и др. описаны

модели подобного взаимодействия. Данные исследования хорошо обоснованы и базируются на этнографических материалах и сведениях письменных источников (Хазанов 2008; Барфилд 2009; Крадин 2000: 315–335). Несомненно, что формы взаимодействия зарубинецких племен и кочевников были разные, и то, что часть зарубинецкого населения могла оказаться зависимым от сарматов и обитать в тесном соседстве с ними. Никакого противоречия в концепции М. Б. Щукина в связи со сказанным я не вижу. Она всего лишь корректируется вместе с развитием наших знаний. Более того, мне не совсем понятно, как А. М. Обломский для гуннского времени допускает взаимодействие кочевого населения с оседлым, и перемещение последнего (группа Чертовицкое-Замятино на Дону) кочевниками-гуннами (с. 108), а для сарматского времени нет. Могу это объяснить только нежеланием допустить альтернативные подходы к проблеме, для решения которой А. М. Обломский с соавторами выдвинул гипотезу о глобальных климатических изменениях, повлекших кризис зарубинецкой культуры (Обломский и др. 1990; Oblomski et. al. 1999).

В седьмой главе говорится о том, что под влиянием климатических изменений (засушливого периода) зарубинецкие племена были вынуждены начать обрабатывать земли в более низких пойменных местах (с. 100). Но как это связано с оставлением населением укрепленных городищ, расположенных на коренных берегах Днепра? Ведь не думают же авторы главы, что до засушливого периода население Поднепровья занималось земледелием на площадках городищ? Остается непонятным, как увязывается отказ от укрепленных поселений и климатические изменения. По-моему, здесь стоит подумать о том, что могла сложиться такая ситуация, при которой защищаться уже было бессмысленно, поскольку население оказалось покоренным кочевниками. А сарматам, в свою очередь, было удобно, чтобы население продолжало жить на неукрепленных и легкодоступных поселениях. Появившиеся в данной ситуации группы постзарубинецких селищ в сарматском окружении и металлургические поселки очень удачно вписываются в данный контекст. По письменным источникам известно, что оседлое население часто выплачивало дань не только продуктами земледелия, но и металлургическим сырьем. Думаю, что авторы просто недооценивают сарматский фактор. Сарматские стрелы обнаружены не только на днепровских зарубинецких городищах, но и гораздо севернее — на деснинском юхновском городище Бужанка I, которое также могло подвергаться сарматским набегам (Каравайко 2009: 148–150).

Авторы седьмой главы, выдвигая климатическую гипотезу, акцентируют внимание на том, что причины распада зарубинецкой культуры должны иметь не локальный, а более общий характер. Но стоит ли при этом отказываться от данных археологии?

Одной из наиболее полезных частей рецензируемого издания является «Приложение 1. Каталог позднезарубинецких памятников на территории Украины» (с. 111–151). Сведения, содержащиеся в этом каталоге, несомненно, будут необходимы всем интересующимся постзарубинецкой проблематикой.

Завершая рецензию, сформулирую общее впечатление от книги. К сожалению, рецензируемый коллективный труд не соответствует заявленному жанру — свода источников. Все главы книги имеют разную структуру. Скорее, эту книгу можно назвать сборником статей на «позднезарубинецкую» тему,

но не сводом источников. Намерение опубликовать по возможности максимальное количество материалов группы Рахны не реализовано до конца. Аналитическая составляющая книги представляется мне весьма спорной. Редакторская работа также оставляет не лучшее впечатление. Остается надеяться, что следующие попытки обобщенного взгляда на постзарубинецкую эпоху будут более обстоятельными и удачными.

Литература

- Барфилд Т.* 2009. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, Нестор-История.
- Воронятов С. В.* 2004. Планиграфия и домостроительство Почепского селища // Макушников О. А. (ред.). Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 28–33.
- Воронятов С. В.* 2008. Ромб с крючками — сарматский след // Наумов Н. А. (ред.). Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула: Куликово поле, 341–366.
- Воронятов С. В., Еременко В. Е.* 2006. Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж-Рахны-Почеп: попытка интерпретации // Савинов Д. Г. (ред.). Производственные центры. Источники, «дороги», ареал распространения. СПб., 88–93.
- Гавритухин И. О.* 2009. Понятие пражской культуры // Короткевич Б. С., Мачинский Д. А., Сениченкова Т. Б. (ред.). Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб.: ГЭ, 7–25.
- Горюнова В. М.* 2004. Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // Горюнова В. М., Щеглова О. А. (ред.). Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 43–87.
- Каравайко Д. В.* 2006. Бассейн Средней Десны на рубеже эр (Юхново — Почеп) // Археологічний літопис Лівобережної України 2, 73–78.
- Каравайко Д. В.* 2007. Юхнівська культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ.
- Каравайко Д. В.* 2009. Городище юхновской культуры Бужанка I // Бессонова С. С. (ред.). Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. Киев–Полтава, 142–150.
- Крадин Н. Н.* 2000. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Крадин Н. Н., Коротаев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (ред.). Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 315–335.
- Мачинский Д. А.* 1976. К вопросу о территории обитания славян в I–VI веках // АСГЭ, 17, 82–100.
- Новаковский В.* 2010. Слово о Марке Щукине // Щеглова О., Казанский М., Новаковский В. (ред.). Germania-Sarmatia II. Сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М. Б. Щукина. Калининград-Курск: 9–10.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В.* 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины (препринт). Киев.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: ИА АН СССР.
- Третьяков П. Н.* 1982. По следам древних славянских племен. Л.: Наука.

- Хавлюк П. І.* 1971. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // *Археологія* 4, 84–96.
- Хавлюк П. І.* 1975. Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // *Археологія* 18, 7–19.
- Хавлюк П. І.* 2003. Південнобузьський регіон зарубинецької культури // Баран В. Д. (ред.). *Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України*. Київ: ІА НАНУ, 175–178.
- Хазанов А. М.* 2008. Кочевники и внешний мир // *Избранные научные труды*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 5–392.
- Шарова О. А.* 2004. Две традиции изготовления пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в 1-м тыс. н. э. // *Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья*. Калуга, 65–72.
- Щукин М. Б.* 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Матвеева Г. И. (ред.). *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев, 26–38.
- Щукин М. Б.* 1979. К предыстории черняховской культуры: Тринадцать секвенций // *АСГЭ* 20, 66–89.
- Щукин М. Б.* 2009. Реплика по поводу «киевской культуры» // Короткевич Б. С., Мачинский Д. А., Сениченкова Т. Б. (ред.). *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. СПб.: ГЭ, 546–551.
- Щукин М. Б.* 2011. Реплика по поводу «киевской культуры» // Мачинский Д. А. (ред.). *Европейская Сарматия. XIV Чтения памяти Анны Мачинской*. СПб., 239–244.
- Andzejowski J.* 1999. Hryniewicze Wielkie — cmentarzysko z pogranicza dwóch swiatow // *Comhlan. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65. rocznicę urodzin*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 17–59.
- Oblomski A. M., Petrauskas O. V. and Terpilovski R. V.* 1999. Environmental reasons of migrations of the south-eastern Europe population in the 1st — 5th centuries AD // *AP* 37, 71–86.